"Добрый вечер, мальчики", - сказала она, улыбаясь, когда они тут же набросились на нее, хватаясь руками за ее тело, задирая платье, действуя как психические марионетки, которыми они были, за ниточки которых дергала улыбающаяся Эмма, когда она начала расправляться с брюками Хеллиона. Они довольно хорошо понимали, что происходит, они просто знали, что их долг - дождаться своей "пары", а затем наброситься на нее. "Теперь я хочу, чтобы вы оба набросились на меня изо всех сил. Представьте, что по другую сторону от меня находится ваш самый злобный соперник, и что вы хотите трахнуть меня лучше, чем он, хотите доказать мне, почему вы должны быть моим фаворитом".

"Я буду трахать тебя лучше", - пробурчал Продиджи, вставая на колени позади Эммы и подставляя свой член к ее тугой задней дырочке, спрятанной между двумя круглыми фарфоровыми щечками. Он секунду поддразнивал ее, прежде чем ворваться в нее, с ворчанием втягивая в себя ее тело достаточно сильно, чтобы она в свою очередь опустилась на Хеллиона. Он понятия не имел, кем были два других участника этого секса втроем; он не знал, что это Эмма, и уж точно не знал, что под ней находится Хеллион. Он просто был вынужден вести себя так, как будто это было так.

Эмма застонала, прикусив губу, когда почувствовала, как два толстых члена заполняют ее. Оба студента так хотели угодить, победить. "Мм, мальчики", - промурлыкала она, облизывая губы и хватаясь за рубашку Джулиана. Начались толчки, и началось соревнование; они оба были такими твердыми, такими быстрыми, такими дикими. Им обоим было что доказать самим себе, и она активно культивировала эту маленькую вражду. Ее психические связи с Хеллионом гарантировали, что он был разгорячен и мотивирован, его агрессия была направлена на то, чтобы попытаться превзойти Продиджи, не зная, что у него есть такая возможность прямо перед ним. Ночь будет долгой, и в конце концов она их отпустит, но сначала она хотела посмотреть, как у них идут дела. Хорошо это или плохо, но Продиджи теперь был "ее" учеником, и она должна была работать, чтобы убедиться, что он готов.

Оба члена плотно вошли в нее, и ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы начать играть ими, как скрипками. "Ммм, ты так хорош в этом", - стонала она, не указывая, к кому обращается, и оба не хотели рисковать, что это не она. Они становились все быстрее, все жестче, и диван, на котором они сидели, стал источником самых громких звуков. Мясистые чавкающие звуки, которые последовали за тем, как два члена вбивали директрису в обе дырки, смешались с ее сладкими, ликующими стонами, когда она получила самый жесткий трах, на который они только были способны, и о, какой это был трах. Она стонала, вздрагивала и извивалась, пока студенты доказывали, как далеко они продвинулись в своем образовании всего за несколько коротких недель.

Хеллион и Продиджи впились в нее, пытаясь что-то доказать, агрессивные и территориальные, стараясь превзойти друг друга. Продиджи крепко массировал ее мягкую попку обеими руками, а Хеллион ласкал ее сиськи, поглаживая соски и вызывая новые стоны из ее дрожащих губ, когда ее позвоночник выгибался дугой. Они выкладывались по полной, и их усилия были вознаграждены стонами, которые, естественно, затуманенный разум принимал за награду, за то, что можно заработать еще больше, лишь бы они продолжали работать сверхурочно, чтобы Эмме было хорошо.

Как и все остальные, Эмма пользовалась анонимностью ситуации. Если бы не тот факт, что она знала, что ее не запомнят, она бы никогда не позволила двум студентам, да и вообще никому,

трахать ее так сильно. Они практически контролировали ее физически, опираясь на нее спереди и сзади, а она дрожала и выла, когда сырое удовольствие настигло ее. Ничто не было холодным или доминирующим в ее подходе к этому, в том, как она потянулась назад, чтобы погладить щеку Дэвида, когда она схватила Хеллиона за ошейник. "Вы, мальчики, знаете, как заставить девушку чувствовать себя лучше, чем я думала", - простонала она, испытывая искушение оставить в них обоих нечто такое, что могло бы перерасти в настоящее соревнование втроем, желание превзойти друг друга, трахая счастливицу до абсолютной бессмысленной радости, хотя и невероятно болезненной, груды дергающихся оргазмов, на которые они были способны.

В этот момент ее тело достигло своего шокирующего пика, и следующие слова, которые она сказала им, превратились в трясущийся, бессмысленный вой, когда она потеряла себя, вскрикнув от безумного блаженства, когда ее тело захлестнуло обжигающее горячее удовольствие. Она тряслась между двумя телами, вытекая грязью на колени Хеллиона, содрогаясь, когда ее тело напряглось, ее задница и киска сжимались изо всех сил, пока были растянуты до предела. Пульсирующее напряжение заставило обоих мужчин войти в нее, чему способствовало небольшое психическое нажатие на спусковой крючок, оставив две струи горячей, густой спермы, распространяющейся через ее отверстия, когда члены зарылись в нее, наполняя Эмму теплом и слизью, что оставило ее более чем счастливой, когда парни вышли из нее.

"Это было хорошо", - сказала она, повернувшись лицом к Продиджи, прижимаясь к члену Хеллиона своей теперь уже раздвинутой и зияющей дырой в заднице. "Но я думаю, что вы, мальчики, можете сделать и покруче".

****

Когда наступило "утро", все проснулись в своих постелях, что было редкостью для любой ночи в Институте Ксавьера, но особенно после оргии. Все были измотаны и издерганы, трахались до рассвета, но никто не мог вспомнить, с кем у них были многочисленные попытки, кроме смутных воспоминаний, в которых только их собственные действия проступали с ясностью; костюмы, чувства или детали терялись в туманном шквале смутных воспоминаний, которые оставляли людей гадать, был ли пунш с шипучкой или вообще был ли пунш. У одних было чувство потери, они хотели бы вспомнить того единственного действительно замечательного человека, с которым они были вместе, а другие зашли так далеко за грань, что с облегчением подумали, что, надеюсь, их поступки затеряются в безумии этой ночи.

Но независимо от того, что они делали, все чувствовали себя чуть более раскрепощенными и открытыми, воспринимая этот опыт как позитивный шаг в более развратном направлении, хотя никто не вспоминал о речи Эммы за ужином и о том, что они действительно нашли самопознание в довольно гедонистическом направлении.

http://tl.rulate.ru/book/1995/54947